

АНТОН
ДЕМЧЕНКО

БОЯРИЧ

БОЯРИЧ
УЧИТЕЛЬ
ГРАНД

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Д31

Серия «БФ-коллекция»

Оформление обложки *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Демченко, Антон Витальевич
Д31 Боярич : Боярич. Учитель. Гранд : сборник / Антон Демченко. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 880 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-115993-1

Шаг за Грань не всегда уводит в забвенье. В этом прирождённый учитель и отставной военный инструктор по прозвищу Росомаха убедился на собственном опыте... и надо сказать, весьма обрадовался такому повороту. Неудивительно! Волей древнего божества этот шаг привёл его к новой жизни в ином странном, удивительном мире и другом теле, молодом и пышущем здоровьем. Пожалуй, даже слишком молодым. Впрочем, дарёному коню в зубы не смотрят, да и четырнадцать лет, как оказалось, не самый неудачный возраст. Ещё бы было поменьше проблем с новыми родственниками... Как бы то ни было, переиграть уже ничего нельзя, а значит, Росомахе придётся приложить все усилия, чтобы доказать свою силу, выжить в круговерти боярских интриг и при этом постараться не забыть о своём призвании учителя, как и наказал старый сереброусый бог, забросивший его в этот мир.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-115993-1

© Антон Демченко, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

БОЯРИЧ

Пролог

Выстрел, еще один... Сухо клацнул затвор, и последняя гильза тихо звякнула о плитку пола. Аллес. А теперь вон из кухни.

Осторожно выкатившись в открытую дверь, ухожу в тень, под лестницу, ведущую на второй этаж. Здесь люк в подвал, но туда мне нельзя. Обнаружат и закидают гранатами: деться из подвала некуда и спрятаться не за чем. Пустой он, последнюю бочку пятилетнего меда я вывез в город еще неделю назад...

Покрутив в руках старого доброго «Яру»¹, вздыхаю. Патронов нет. Из другого оружия — лишь не менее старый охотничий нож на поясе, без которого я даже по собственному дому не хожу. А значит, остается надеяться только на собственное тело, верный клинок... и разум, конечно. Впрочем, в отличие от того же ножа, последний стал частенько отказывать, отправляя меня в забытые в самые неожиданные моменты... Ладно, главное — чтобы сейчас обошлось...

Я глубоко вдохнул, на мгновение расслабляя тело, и постарался «раствориться». Воспаленный предатель-мозг тут же ответил судорожным уколом боли, но обращать на нее внимание мне нельзя... а значит, побоку. Сосредотачиваюсь и медленно выдыхаю... стараясь абстрагироваться от нарастающей головной боли. Получилось... ощутив, что «отвод» заработал в полную силу, я медленно, шаг за шагом двигаюсь в тени лестницы, туда, где ясно чувствуется биение чужой жизни. Кажется, я отчетливо могу услышать азартный, напоенный адреналином стук сердца одного из тех уродов, что сегодня пришли ко мне в гости, без приглашения и с громко стреляющими подарками наперевес. Мы с «Ярой» изрядно проредили состав визитеров, гостеприимно угостив их свинцовыми конфетами, но... Восемнадцать патронов — это немного даже в тире, а уж при «живой работе» и вовсе слезки. Тем более когда по ту сторону

¹ «Яра» — здесь пистолет системы Ярыгина.

прицела не лихоимцы с распальцовкой, а вполне резвые и шептунные наемники, только... несработавшиеся какие-то, что ли? И вялые... то есть слишком уж осторожные. Им бы по дому частой гребенкой пройти, с закатыванием гранат в каждую комнату... да и с планированием явные проблемы, и... Ладно, хватит нудеть. Чай, не на полигоне молодняк натаскиваю. Да они меня и так прижали, если честно. Что называется, ни вздохнуть, ни пискнуть... Ну ничего, мне сейчас только дорожку расчистить, а в лесу мы еще поборемся... Вперед, к летнику, там выход на балкон и гульбище. Но последнее мне ни к чему, из него только во двор можно попасть, а он насквозь простреливается. А вот балкон — самое то. Аккурат над обрывом. Плохо, что именно в летнике-то как раз и засел один из «гостей». Вот он. Я аккуратно погладил ладонью по тонкой перегородке, кожей ощущая прислонившегося к ней с той стороны человека, чье внимание было направлено на расположенный рядом дверной проем. Ну, здравствуй, гость молодой-задорный... И чего тебя понесло в гости к старому больному отшельнику, а?

Двадцатисантиметровый клинок легко преодолел перегородку, а раздавшийся следом легкий вздох отозвался продравшим нутро холодом чужой смерти и очередным уколом головной боли, как наказанием за разгон, который, собственно, и позволил мне пробить насквозь пять сантиметров дубовой доски. А вот следующий приступ был настолько неожиданным и скорым, что я просто рухнул на пол. Но не оставлять же было единственное оружие в стене? А без того же разгона мне его оттуда было никак не вырвать. Зато упал я, как оказалось, очень вовремя. За стенкой раздался чей-то сдавленный мат, а затем целая очередь хлопков-плевков, и дерево перегородки надо мной вспучилось щепками. Точно садит, паскуда.

Плохо. Нет, не то плохо, что приступ меня свалил, хотя и это не лучшая новость. Еще утром от пары-тройки таких ускорений-усиления я и усталости не почувствовал бы... А то плохо, что в летнике не один «веселый сорванец» был, а как минимум двое, и этого второго я не почувял... Или это был тот, что с кухни меня выдавил? С гульбища вошел? Черт, как не вовремя...

Кое-как справившись с накатившей слабостью, я вновь ушел в тень, пока не сполз отвод глаз и сидящий где-то снаружи снайпер не высмотрел меня в окне... Огромном, черт его дери, панорамном окне. И дернуло же меня поставить это... буржуйство! Виды, понимаете ли, из него красивые открываются. Ну, вот теперь и шхерься от снайперов, идиот старый!

Стоп! Если этот второй, что сейчас настороженно держит на прицеле дверь из летника в холл, в доме, то на гульбище должно быть пусто, так? Посчитаем. Было две пятерки. Часть я... оприходовал еще в самом начале штурма, заодно нарушив их план атаки и «вскрыв» двух снайперов. Хех, были бы они поопытнее, хрен бы обнаружили, но эти явно желторотики. Ни терпения, ни выдержки. Вот и раскрылись, пока я у них на глазах первых двух штурмовиков снимал. Затем еще двое, уже в доме, вон один в холле, прямо перед лестницей лежит, другой на кухне, и последний из первой пятерки только что, в летнике. Осталась еще одна группа. Трое идут с левого крыла дома, еще двое были на гульбище. Теперь один из них сторожит меня все в том же летнике и... бубнит, дятел такой, в гарнитуру. Прибарахленные ребятки, но... аматоры, чтоб их! Кто же так дом штурмует?! Ла-адно, повоюем. Я вам покажу, как по шерсть ходить, к старым больным отшельникам...

Так, определимся, кто есть где и ху из кто... Заранее морщась от неминуемой расплаты за следующий шаг, я тихохонько убрался под лестницу и, до предела накрутив чуйку, принялся «осматриваться». Точно, трое лезут по второму этажу с левого крыла, один в летнике, а пятый, пятый-то где?.. Нашел. Он, оказывается, занял прежнее место чуть не уконтрапуившего меня мстителя за резьбу по горлу. На кухне засел, сволочь. А значит, к гульбищу и соответственно закладке с оружием мне отсюда ходу нет. Ла-адно. Мы пойдем другим путем. Сгибаясь от боли, раскаленными шурупами вворачивающейся в мозг, я пополз под лестницу. Нет, спуск в подвал мне по-прежнему был ни к чему, а вот двери, ведущие в левое крыло, точнее, пустующий первый этаж этого крыла — то, что надо. Там имеется дверь на второй балкон, выходящий на реку.

Жаль, к тому орлу, что «разлегся» на полу холла, не подобраться. Никакой отвод глаз не спасет. А как бы мне сейчас его машинка пригодилась... Эх, ладно.

Шаг, другой — и вот я уже в гостиной-библиотеке. Да-да... знаю, старомодно. Но вот люблю я бумажные, «живые» книги... Причем давно. И коллекцию свою начал собирать лет эдак двадцать назад, с лейтенантских погон. Жаль оставлять всю эту роскошь, но чую, что больше я своей библиотеки не увижу. Как пить дать, сожгут, твари, вместе с домом. А потом и счет будет некому выставить... уж я постараюсь.

Окинул взглядом строгие линии массивных книжных полок, за которыми и стен-то не видно, и, не спускаясь вниз, прошел по галерее к выходу на балкон.

Осторожный взгляд в окно, на противоположный берег, опушку и возвышающийся за ней гигантским частоколом сосновый бор. Светлый, радостный... м-да. Хорошее место для дома я выбрал.

Раздавшийся у дверей в холл шорох заставил меня поторопиться. Опустившись на четвереньки, колобком выкатываюсь на балкон и, бросив короткий взгляд вниз через фигурную прорезь ограды, одним движением взметнув свое тело над перилами, солдатиком ухожу под воду, еще успев услышать звон бьющегося стекла над головой. Почти успели, паскуды... ну да ничего, на той стороне потягаемся.

Не торопясь выныривать на поверхность, я погреб вниз по реке. Казалось бы, вода прозрачная, глубина небольшая, бей — не хочу. Да черта с два! День солнечный, и река сейчас вся в бликах, переливается, словно рыба чешуя, ни хрена под водой не рассмотреть. А значит, ходу. Подталкиваемый течением, я вскоре оказался довольно далеко от дома и, добравшись до небольшой заводи, где любил порыбачить время от времени, вынырнул и с шумом вдохнул такой сладкий воздух. Но не успел выбраться на берег, как левое плечо резко дернуло назад, а по рубахе тут же начало расплываться красное пятно. Еще один толчок, на этот раз в грудь, на месте удара расцветает еще один алый цветок, и я, еще не понимая толком, что произошло, заваливаюсь на спину.

Боли нет... даже той, давно ставшей привычной, хоть и нежеланной соседкой, что последние пять лет ежесекундно нудила у меня в голове. А надо мной чистое, без единого облачка, голубое-голубое небо. Ветер несет от леса тепло и запах хвои, а под руками шуршит пересышающийся песок. И так легко...

Понимаю, что на этом все... и губы расплываются в улыбке. А все-таки я ее наколол. Оставил Безносую с носом, ха! И сдох не от болезни, грозившей превратить сильного сорокалетнего мужчину в безумную развалину, не способную самостоятельно добраться до «очка», а в бою, как и положено воину с незапамятных времен, с клинком в руке. Рука сжимает шершавую роговую рукоять старого охотничьего ножа, небо заполняет все вокруг меня... и я тону в его необъятной глубине.

* * *

— Росомаха?! Ты? Но... — Голос появившегося словно из ниоткуда человека в лесном камуфляже раздался совсем рядом, но лежащий на песчаном бережке, раскинув руки, мертвец его не слышит. А тот несколько секунд постоял над убитым, катнул

желваки и, прижав к горлу передатчик ларингофона, заговорил резко и зло: — Цель поражена. Группам — отход... Первый — Десятому...

— Все вопросы на базе, Десятый, — тут же откликнулся Первый. — Выдвигайтесь к точке.

— Есть все вопросы на базе. Отбой, — снайпер отключил гарнитуру и, сгорбившись, скрылся в лесу.

* * *

Росомаха... Это я. Помню... Еще лет десять назад на это прозвище я откликался чаще, чем на имя-отчество или даже на звание. Звание? У меня было звание? А... да, было. Капитан. Майора я получил уже «под занавес», так сказать. «Смежники» из ГРУ постарались, без их помощи, скорее всего, меня так и отправили бы в отставку капитаном. Да... Хорошие были ребята. Вот уж кто учился с полной отдачей...

Вон хоть того же Яблочкина взять... снайпер от бога, а с моими тренировками вообще цель чуть ли не с закрытыми глазами вести мог. Вот и довел, да...

— Сердишься на него? — Я и не заметил, как голубое небо вокруг меня потемнело, закружилось серой хмарью... А уж то, что я оказался здесь не один, и вовсе стало сюрпризом. С другой стороны, а не все ли равно?

— С чего бы? — я пожал плечами... и не почувствовал их. Хм... странное ощущение. Точнее, неощущение. Ну и черт с ним. — Он выполнял приказ. Значит, наши заклятые друзья узнали то, чего знать им было совсем не нужно...

— И ты так легко об этом говоришь? — поинтересовался все тот же незримый собеседник.

— Хм. А чего мне огорчаться? Жить и так оставалось хрен да несколько... если это, конечно, можно назвать жизнью. Обидно только, что не увидел, как зачистили ту сволочь, что сдала мою школу... Это да, огорчает. А смерть? Пока мы есть, ее еще нет, когда мы умираем, ее уже нет... Так что она всего лишь миг...

— М-да, забавное мироощущение. Или это последствие твоей болезни? — в голосе моего собеседника послышался явный интерес.

— Скорее, результат жизненного опыта, — хмыкнул я в ответ. — А болезнь... да. Знаешь, чего я больше всего боялся в последние годы? После того как узнал о раке мозга и остальных плюшках Дара? Стать овощем или загнуться от боли на больничной койке. Десятка подарил мне лучшую смерть, о какой я мог

мечтать. Это тот самый снайпер... Яблочкин. Ему поначалу совсем другой позывной дали, но... командованию пришлось не по нраву мат в эфире, пришлось придумывать что-то другое... — Меня пробило на болтовню... интересно, с чего бы это?

— Да-да. С оружием в руке, в бою... — перебил меня собеседник и задумчиво добавил: — Заделался, понимаешь, попечителем богоугодных заведений на старости лет. Богоугодных... Ха!

Серую хмарь вокруг прорезали ослепительные росчерки молний, под безумный хохот моего невидимого собеседника, и пространство сотряслось от громовых раскатов, эхом покотившихся вслед его смеху.

— Кхм.

— А, да... Ладно, герой-викинг модернизированный. Где один, там и другой... правильно? — отхохотавшись, проговорил мой собеседник. — Живи. Заодно и мозги местным идиотам вправишь, а то они что-то явно недопоняли... а второй раз Илью выдергивать я не стану. Обещал.

— Ч-чего? — не понял я.

— Чего-чего. Катись, говорю, инструктор Росомаха. Считаю, у тебя теперь новое задание... и пополнение. Учи на совесть, — рявкнул голос.

Серая хмарь вокруг потемнела еще больше, сгустилась... А потом... я его все-таки увидел. Удаляющийся силуэт, подсвеченный всполохами мерцающих где-то за моей отсутствующей спиной зарниц.

Вот он замер на мгновение, повернул голову... Блеснули серебром в отсвете близкой молнии длинные вислые усы... и тьма растеклась передо мной, поглотив все и вся... Вот это глюк... Предсмертный, да.

Часть первая

СТЕРТЫЕ ЛИЦА

Глава 1

ТРЕНИРОВКИ – ЗАЛОГ ДОЛГОЙ ЖИЗНИ... ЗА РЕДКИМ ИСКЛЮЧЕНИЕМ

Утро раннее, летнее... но прохладное. Когда лежишь на лапнике посреди небольшого и редкого, насквозь продуваемого леса, последнее обстоятельство особенно неприятно, а уж вкупе с выпавшей росой — так и вовсе становится грустно. Хлопок! Над лесом взметнулся ослепительно-белый огненный шар, хорошо заметный даже днем. Этаким вариантом сигнальной ракеты, не требующий наличия ракетницы и зарядов к ней. Вместо нее — боец-стихийник... уровнем не ниже воя.

— Эй, малахольный! Время вышло, урок окончен, — звонкий девчоночий голос разнесся по перелеску.

Ага-ага. Так я и повелся. Можно подумать, что это не вам вчера утром тренер зачитывал условия «игры». Урок будет окончен только в тот момент, когда я коснусь ворот поместья... или когда меня спеленают противники. Вот если бы этот огнешар запустил Владимир Александрович... Эх, но выбиратья все одно надо. Время прятков почти вышло, и я ни на секунду не сомневаюсь, что скоро в ход пойдут объемные поисковые техники, что в исполнении таких пироманов, как обе мои кузины и кузен, означает одно: искать и пеленать они меня будут огненным же «неводом». Все никак не наиграются с подавшеюся им наконец стихией... А значит, легкие ожоги, как и быстрое обнаружение, гарантированы.

Осторожно выкапываюсь из кучи лапника, в которой устроился всего пару часов назад для короткого отдыха, прислушиваюсь, чуть тронув Эфир, и, убедившись, что в радиусе сотни метров нет ни одного человека, ме-эдленно начинаю отползать в сторону небольшого оврага. По его дну протекает мелкий, но очень звонкий ручей, и он замечательно скроет мое передвижение, когда я окажусь на открытой местности.

Полчаса ползком на пузе по дну ручья, и... я оказываюсь у самых ворот поместья. Аккуратно выглядываю из той небольшой канавы, в которую превратилось русло ручья, и замечаю мнущегося у ворот брата. Можно было бы воспользоваться кое-чем из моего «эфирного» арсенала, но... Лешка расположился аккуратно под артефактами системы наблюдения, а отец в своих «записях» настоятельно не советовал «светить» технику... до совершеннолетия. Что ж, придется действовать более, хм, естественно.

Не дожидаясь, пока стороживший подходы к воротам брат обернется, накидываю ему на шею воздушную удавку. Вот так, опыта у Алексея маловато, да и одновременно держать защиту и «ощупывать» пространство вокруг он пока не может. А ручей очень неплохо укрыл меня от внимания этого любителя огня. Говорил же Владимир Александрович, не надо сосредотачиваться только на одной стихии. Так ведь нет, «мы, Громы, прирожденные огневики...». Выпендрожники... ну да-да, завидую. Мнесто ни Пламени, ни Тверди не видать, способностей «не хватает». А, чего уж теперь...

Ха, вот и результат. Лешка прожигает меня взглядом, но не дергается. Знает братик, что такое воздушная удавка... подношу руку к створке ворот... на миг чувства взывают от близкой опасности... поздно. Обжигающий жар развернувшегося полотнища огня отшвыривает меня в сторону. Боль ожогов, сначала вроде бы несильная, уже через секунду превращается в нечто совершенно нестерпимое... Зубы скрежещут, стирая и обкалывая эмаль, а чудом не пострадавшие от жара глаза начинают слезиться. Сквозь отдающую алым муть все-таки замечаю довольную ухмылку брата...

Артефакт. Грязно играют р-родственнички. Ну ничего, потягаемся еще. Бросаю на Алексея короткий взгляд, и так и не сброшенная, но изрядно ослабленная воздушная удавка вновь наливается силой. Брат шатается. Отлипаю от асфальта и поднимаюсь на ноги, под потрескивание обугленной ткани и... кажется, кожи. Старательно не глядя на собственное дрожащее от боли тело, медленно подхожу к Алексею. Губы раздвигаются с явно ощутимым треском, и рот наполняется кровью. Кажется, все еще хуже, чем я думал...

— Снимай защиту с ворот. — Брат отшатывается от моего сипа и бледнеет. Продолжаю наступать, сильнее сжимая удавку и чувствуя, что еще немного — и сознание окончательно меня покинет. Слишком сильная боль... слишком. — Быстро... бр-рат.

Не успеваю. Сзади раздается топот. Это сестренки бегут на помощь. К сожалению, не мне. В этом я успеваю увериться, когда спину перечеркивает-обжигает удар огненного хлыста.

— А ну прекрати, кретин мелкий! — Доносится до меня крик одной из близняшек, и это последнее, что я успеваю. А потом вокруг становится темно... и я падаю в блаженное беспамятство.

* * *

— Вы что, совсем оборзели?! — Моложавый, подтянутый мужчина в легком тренировочном костюме окинул яростным взглядом мнущуюся в центре комнаты компанию из юноши и двух девушек лет шестнадцати-семнадцати на вид. — Кто вам, соплякам, позволил лезть в оружейку, и самое главное, как вы додумались использовать на тренировке боевой артефакт класса «крепость»? И против кого? Собственного брата!

— Может, не стоит так наседавать на молодежь, Владимир? — Возникший на пороге, импозантный в своем темно-бордовом костюме-тройке худощавый седовласый старик замысловато крутанул в воздухе тростью красного дерева. — В конце концов, ничего непоправимого не произошло, не так ли? Парень жив, лекари гарантируют, что все ожоги будут сведены за неделю... да и ребятки наверняка уже поняли, что перестарались... Ведь поняли же?

Ответом остро глянувшему на «ребяток» старику были энергичные кивки и полные такого раскаяния взгляды, что, заметив их, Владимир скривился. Как же... поняли они. Впрочем, старик, казалось, был удовлетворен этим показательным осознанием вины, так что тему можно считать закрытой.

Спустя два часа, после доклада владельцу имения и присутствия на коротком «официально-домашнем» обеде, тренер стоял в медицинском блоке у окна небольшого бокса, где в просторной ванне, заполненной даже на вид противной жижей, плавало опутанное многочисленными датчиками тело находящегося без сознания паренька. А вокруг мерно пикали на разные голоса с полдюжины медартефактов.

— Бежать тебе отсюда надо, Кирилл. Долго ты таким «тренажером» не проработаешь. Если сестры с братом не дожмут, так старшие сожрут, — тихо, почти неслышно вздохнул тренер, отворачиваясь от окна.

Отвернулся и не увидел, как по болтающемуся в жиже телу прошлась судорога, взбаламутив ленивую субстанцию. Медар-